

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ И
НЕНАВИСТИ

Отчий Дом

Анна К.

16+

Анна Крокус

Отчий дом

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Крокус А. Г.

Отчий дом / А. Г. Крокус — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Серафима покинула отчий дом совсем юной, но уже обиженной на отца. Свою жизнь она решила доверить Богу, став трудницей при женском монастыре. Все эти долгие годы женщина вынашивала в себе боль, скорбь и воспоминания, не решаясь впустить в свою жизнь некогда родного человека, а в своё сердце - любовь. Сама судьба представила ей уникальный шанс: тяжёлая болезнь отца заставляет её вернуться в отчий дом спустя пятнадцать лет добровольного изгнания. Что ожидает её на пороге? Как пройдёт встреча волевого мужчины и сильной женщины? И на что решится главная героиня после возвращения в свою прошлую жизнь? Поучительная история о любви, о гордыне, о страхах, и, конечно, о суровых реалиях сегодняшнего дня. Каждый вынесет для себя урок, даже ценой собственной жизни...

© Крокус А. Г., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Авторские права защищены ©	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Анна Крокус

Отчий дом

Авторские права защищены ©

Глава 1

Настенные маятниковые часы в гостиной показывали половину десятого вечера. Григорию не спалось. Мужчина потягивал ароматный свежий кофе и читал несвежую утреннюю газету, когда в его московской квартире случилось непоправимое. Первой из его дрогнувших рук упала фарфоровая именная чашечка, разукрасив уголок гобеленового ковра в противный аспидный оттенок. Газета послушно опустилась на его колени и зашелестела в его стремительно сжатом кулаке. Правая рука скомкала домашний халат в области сердца, словно пытаясь спрятать его в увесистой ладони. Мужчина захрипел, лицо его исказилось гримасой внезапной боли и страха. Григорий неподъемной тушей сполз с кресла, укрыв собой испорченный ковёр. Чашечка больно врезалась в грудь, а газета так и норовила забиться в приоткрытый рот и заглушить собой его хрип. Время для мужчины остановилось, руки ослабили хватку, мокрые губы дрогнули и сомкнулись, тело приняло неестественную и небрежную позу, только в очках непрерывно поблёскивало отражение маятника. Часы показывали тридцать пять минут десятого. Тем же вечером дежурный врач скорой помощи констатирует у мужчины острый сердечный приступ – первый в жизни Григория за его шестьдесят пять лет. С этого вечера время для него словно повернулось вспять.

Миниатюрная молодая женщина осторожно ступала по ступенькам на двадцать шестой этаж. Простенькие чёрные сапожки сбавили свой ход между двадцать четвёртым и двадцать пятым этажом. Женщина лёгким привычным движением сняла с белокурой головы чёрный платок и закинула его в сумку, достав из заднего кармашка маленькое зеркальце. На неё взглянули испуганные васильковые глаза с чуть подкрашенными завитыми ресницами, аккуратные пухлые губы дрогнули в едва различимой улыбке, она с тяжёлым сердцем осознала, что остро жалеет себя в эту минуту. Она быстрым движением потёрла замёрзшие щёки, пытаясь избавиться от едкого волнения, и ловко захлопнула зеркальце. Последний этаж она преодолела быстрее обычного и нажала на впалую, как сургучная печать, кнопку звонка.

– Ой, а Вы Серафима Григорьевна? – миловидная девушка за дверью немного опешила.

– Да, здравствуйте, не хотела задерживаться.

– Да, мы Вас ждали только к вечеру, простите! Я сейчас сделаю Вам горячего чаю! – незнакомка поспешила впустить женщину и сделать виноватые глаза. Было видно, что она не успела подготовиться к визиту гости.

– Я бы не отказалась, эмм... Простите, как я могу Вас называть?

– Мила, просто Мила! – зашебетала девушка и собиралась упорхнуть на кухню.

– Ой, Мила, подождите! – женщина перешла на шёпот: – А мой отец сейчас не спит? Я его не разбудила, надеюсь? Звонок такой непривычно громкий...

– Да что Вы, его этими райскими птичками... – Мила кивком указала на дверной проём, – только усыпить можно! А если честно, ему какие-то таблетки выписали, он спит от них как убитый, представляете? – девушка по-детски сморщила нос.

– Да что Вы? И долго он так спит? – Серафима осторожно вытянула шею и заглянула в коридор, откуда было видно винтовую лестницу, ведущую в спальню.

– Нуу, по-разному... Сегодня Григорий Петрович специально ждал Вас, поэтому почти глаз не сомкнул к обеду. А сейчас, может быть, и уснул.

– Он лучше себя чувствует?

– Знаете, да, лучше. Но от диеты, которую назначили, совсем отказывается... Даже курить не бросил! Хотя я уговаривала... – Мила снова поморщила нос и сделала виноватый взгляд.

– Ну, это мы разберёмся! – женщина отважно улыбнулась и стала вешать длинное тёмно-синее пальто в огромный зеркальный шкаф-купе. Посмотрев в зеркало, она с волнением отметила, как сиротливо и чуждо смотрится в этой большой и роскошной квартире. Серафима поёжилась и потёрла плечи. Вовсе не от холода.

– А я чаю всё-таки сделаю! – громким шёпотом пролепетала девушка и скрылась за углом коридора. Женщина осторожно ступила на порожек, ведущий в длинный узкий коридор, и прошла в просторную гостиную, остановившись у винтовой лестницы. Вмиг её память вспыхнула яркими волнующими кадрами из прошлого, обнажив детские воспоминания, как трухлявые кости, давно томившиеся в шкафу. Недавние свидетели произошедшего с хозяином квартиры – настенные часы и огромный камин – выглядели очень грузно и мрачно. Мерный звук маятника уже не звучал так успокаивающе, а камин зиял пустой и голодной дырой в стене, ожидая, когда его огненный язык красиво и властно охватит новую порцию берёзовых поленьев. Женщина присела рядом с камином и протянула руку, на мгновение почувствовав мнимое ароматное тепло, и... воспоминания всё-таки захлестнули.

– Вот вы где! – Серафима вздрогнула и быстро убрала руку. – Ваш чай сейчас остынет, присаживайтесь! – Девушка проворно поставила на читальный столик серебряный поднос с двумя фарфоровыми чашечками. На одной из них витиеватым золотистым почерком было выведено её имя.

– Забавно... – Женщина взяла чашечку в руки и провела пальцами по гравировке. – Я думала, что здесь забыли моё имя...

– Почему же? – встrepенулась юная особа. – Григорий Петрович берёт её для Вас как зеницу ока! Всё ждал, когда Ваши пальчики коснутся её вновь.

– Вот как... – Серафима аккуратно поставила чашку на поднос и внимательно взглянула на девушку: – А Вы давно работаете в доме моего отца?

– Знаете, на самом деле недавно... Я свою маму подменяю... Она просто приболела.

– А кто же о ней заботится?

– Младший брат... Мама просто место терять не хочет. – Мила опустила в кресло и сокрушенно вздохнула. – Сами понимаете, какие сейчас в Москве расценки... Мама почти на всём экономит, чтобы братика на ноги поднять, чтобы образование достойное, чтобы в школе не косились и не обижали... А я ни за что не позволю, чтобы из-за нелепой простуды она жалела об увольнении, вот и напросилась к Григорию Петровичу... – ресницы дрогнули, и карие глаза засветились. – Он у Вас хороший человек, всё понял с полуслова и позволил даже неполный рабочий день! – маленькие ладошки вспорхнули и сделали благодарственный пируэт, после чего девушка поспешила сменить тягостную ноту: – А Вы уже к нему ходили? Как он Вас встретил?

– Я так боюсь его побеспокоить... Вдруг он ещё не проснулся, а я с дороги, и... мы так давно не виделись.

– Пятнадцать лет... Я бы не выдержала!

– Я вижу, Вы осведомлены о наших отношениях... Это даже хорошо, не придётся лукавить.

– Ой, Вы не подумайте! – собеседница поспешила снова использовать свои ладошки, но уже в защитной позиции. – Григорий Петрович никогда не молчал о том, как сильно скучает по Вас.

– Правда? – женщина удивлённо вскинула брови и отвела взгляд в тёмную пустоту камина, словно ища в его пепельном отчуждении поддержки.

– Конечно! Ну что Вы?! – Девушка понизила голос и осторожно наклонилась поближе: – Он даже Ваши фотографии у себя в кабинете и спальне не даёт никому трогать! Говорит: «Вот моя Фимочка придёт и посмотрит, какой она покинула мой дом».

– Хм, весьма странно, что эта мысль его не покидала всё это время. Мила, а Вы знаете... почему я ушла?

– Я никогда не спрашивала у Григория Петровича... И от матери никогда не слышала. Я видела, как больна для него эта тема, и не позволяла себе интересоваться этим.

– Верно, это даже к лучшему... – Серафима слегка вздохнула, но всё же настороженно посмотрела на девушку. К тому времени, как чашки опустели, но всё ещё хранили ароматное тепло, за окном стемнело, и разговор Серафимы и Милы приобрел доверительный и лёгкий оттенок. Девушка вела себя спокойно и искренне, но женщину не покидало ощущение того, что она что-то недоговаривает. Списав это нелепое подозрение на волнение и усталость, женщина всё-таки расслабилась и позволила себе даже неподдельный смех, когда Мила с упоением рассказывала ей о том, как Григорий, подобно капризному ребёнку, кланчил сладкий кофе вместо горьких таблеток и говорил, что придёт его Фима и позволит ему «мелкие шалости».

– Кстати, об отце... Думаю, стоит к нему подняться. Он заслужил чашку своего любимого успокоительного.

– Да, да, конечно, я как раз распакую новую упаковочку молотого арабского! – девушка быстро поднялась и, сверкнув напоследок заискивающей улыбкой, удалилась. Серафима проводила её взглядом и обернулась, пряча тревогу потемневших глаз в ноябрьских сумерках, неожиданно постучавшихся в большое овальное окно. Сердце тяжело тронулось, как переполненный состав на рельсах, постепенно набирая скорость, по мере того, как она приближалась к лестнице, ведущей к неминуемой встрече. Дутые ступени не обронили ни одного скрипа под её ногами, предательски кончаясь. Серафима была готова ощущать их деревянную мощь ещё очень долго, лишь бы не ощутить в своих холодных пальцах оловянную ручку заветной двери в спальню...

– Тук-тук... – она не узнала свой осипший испуганный голос, как и не узнала мужчину, лежавшего в постели. – Я тебя не разбудила?

– Фимочка... Ты пришла! – старик со свистом выдохнул и попытался приподняться в постели.

– Нет, нет, я помогу. – Женщина подхватила грузное слабое тело и сразу же упала на колени, и прильнула к ладони отца. Незнакомая увесистая рука всё ещё источала до боли запомнившийся аромат из детства: едкий запах табака, свежей газеты и болотистого торфа. Только сейчас к этому ностальгическому букету прибавился специфический запах медикаментов и выстиранного постельного белья. Её губы дрогнули, и женщина сжала глаза, лишь бы не дать отчаянному порыву слёз окропить руку отца. Только сейчас она почувствовала всю тоску и боль, которые, как узников, прятала где-то глубоко в сердце.

– Ну, ну... Фима, не расстраивай старого и немощного... – чуть дыша, боясь спугнуть эту долгожданную минуту, проговорил Григорий. – У тебя лоб холодный. Всё тот же любимый маленький лобик. – Отцовская рука дотронулась до мягкой пшеничной макушки и требовательно дёрнула подбородок, чтобы увидеть родное лицо дочери.

– Отец, не надо, я сейчас слабее тебя... Плакать не хочется, ни к чему это всё... – Женщина убрала его руку и отвернулась, силясь не заплакать. Она мысленно пыталась загнать в угол острую вину и болезненную гордость, осознавая и злясь, что она сама подверглась их беспощадной атаке. Но она была обезоружена.

– Ты меня не перестаёшь удивлять. Всё это время держалась молодцом, не подпускала отца практически ни на шаг, я уж думал, твоя обида, как и твоя воля – железная и горькая, не пробьёшь и не подсластишь, а сейчас...

– Всё ещё любишь констатировать факты... Я же знаю себя, как и знаю тебя. Я бы не дошла до конца, если бы позволила себе встречи с тобой. – Она медленно поднялась с колен и присела напротив мужчины. Её сухие глаза были непроницаемы и спокойны, всё в её чертах говорило: я позволила себе эту слабость, но ненадолго.

– Ну ты хотя бы с миром пришла, дочка? – со снисходительной улыбкой спросил Григорий.

– Я не та, которую ты отпустил, отец. Я не пришла исправлять свои ошибки, которых вовсе не совершала. – Женщина заботливо поправила скомкавшееся одеяло и добавила со всей серьёзностью любящей дочери: – Я пришла с намерением поставить тебя на ноги.

Потянулись долгие осенние будни, наполненные заботой об отце, ранними сумерками и поздним раскаянием. Тревога и неловкость Серафимы отошли понемногу на второй план, как и отошла сама женщина, подобно витиеватой изморози на оконном стекле в рождественские праздники под ласковым утренним солнцем. Мила приходила каждый день и занималась повседневными делами, интересуясь самочувствием старика, а сталкиваясь в узких коридорах с Серафимой, ознаменовывала своё появление звонким «Ой!» и бежала хлопотать дальше, проворно порхая по ступенькам вверх-вниз. Дочь Григория Петровича отметила в девушке явное трудолюбие, хотя та, в свою очередь, была любительницей поболтать и часто звала женщину на кухню «на чашечку горячительного». За такими мимолётными беседами Фима узнавала о «юной пчёлке» всё больше интересных фактов и закономерностей, но всё никак не могла выведать у девушки о здоровье её матери. «Да всё хорошо, поправляется! Незачем беспокоиться!» – выпаливала на ходу она и, взмахнув высоким хвостом на рыжей голове, убежала из кухни, оставляя недоумевающую женщину с остывшей чашкой в руках. Но долго Серафиме не приходилось задерживаться в раздумьях, услышав по дистанционной домашней рации хриплый голос отца, она спешила к нему в спальню. За пару дней она научилась делать успокаивающие уколы, восстанавливающий массаж сердца, строго соблюдала предписанную доктором диету, но так и не научилась спокойно спать, есть те «диковинки», что готовила Мила на ужин, и смотреть подолгу из окна двадцать шестого этажа. Всё в этом доме ей казалось чужим, нарочито спокойным, словно застывшим во времени. Даже камин, который женщина так любила в юности, грел по-другому, огонь танцевал как-то нервно и неестественно, бесновато прыгая по поленьям, будто бы играл с новой гостьей в кошки-мышки, и она часто обжигалась, грея ладони у открытого огня. Женщина часто ругала себя за ложку сливок в чашке с кофе, за съеденную конфету с изображением разноцветных масок на позолоченном фантике – любимое лакомство из детства, за круассаны по утрам. Женщина строго соблюдала пост и готовилась к нему, выработав в себе стойкую привычку за последние годы, но стоило ей переступить порог этой квартиры, как она забывалась, руки сами тянулись к тем вещам, от которых она себя отучила и без которых стала счастливее. Как она полагала сама. Совсем недавно она не удержалась и примерила своё платье, в котором познакомилась с человеком, который смог её первым увезти из отчего дома. Если быть точным, то примерно пятнадцать лет назад, в усадьбе Ясная поляна, которую посещала юная Серафима ради написания своей статьи для курсов журналистики. Она прохаживалась в этом лёгком шёлковом платье, ласкающем при каждом движении её плечи и спину, по берёзовому «прешпекту», отстукивая маленьким каблучком лёгкую дробь. По левую сторону от «прешпекта» находился Большой пруд, к которому был устремлён задумчивый взор юной Серафимы, которая даже не догадывалась о том, что она сама, подобно этому пруду, приковала к себе взгляд молодого светловолосого парня со смеющимися глазами поодаль от неё. Она обратила на него своё кроткое внимание лишь тогда, когда уже у дома

Волконского, прибившись к местной экскурсии, услышала за своей спиной: «Ну тебя, Костик, мы сюда усадьбу приехали смотреть, а ты на баб пялишься!» Обернувшись, она встретилась глазами со своим будущим мужем и со смущением поняла, что стала виновницей его нераспорочности. Ощущая, как это платье снова с нежностью коснулось её стана, Серафима улыбнулась самой себе в зеркале, воспоминаниям и ему, своему Косте. Уже через пару минут она поспешно снимала с себя наряд, комкая его в дрожащих руках. Теплота шёлка на её плечах сменилась содроганиями. Она плакала в первый раз с тех пор, как оказалась дома, она плакала и жалела себя, жалела свою потерянную жизнь. Жизнь вдовы и обиженной дочери. Когда она спускалась из своей некогда любимой и уютной комнаты, Серафима вновь столкнулась с Милой, и та, в свою очередь, одарив женщину беспокойным и смущённым взглядом, спросила:

– Серафима Григорьевна, что-то случилось? У Вас глаза на мокром месте...

– Да воспоминания нахлынули, а я им поддаюсь, вот и расчувствовалась, сама знаешь, как это бывает в моём возрасте.

– Вы ещё такая молодая и красивая, Вы бесспорное украшение этого дома! – начала свою привычную трель Мила. – Григорий Петрович расцвёл душой и телом с Вами! А воспоминания – это всегда замечательно, грустно, когда их вовсе нет. – Девушка мягко положила ладонь на плечо женщины, и улыбка солнечным зайчиком сверкнула на пухлых губах.

– Вы правы, Мила. Но порой от некоторых воспоминаний хочется убежать... – женщина осеклась во избежание любопытных расспросов девушки и, вздохнув, добавила: – Я пойду лучше проверю, как отец.

– Ага, я пока накрою на стол, приходите скорей, непривычно обедать одной.

Григорий Петрович лежал с открытой книгой на вздымающемся от тяжёлого дыхания животе, с полуприкрытыми глазами, как старый шпион. Женщина тихонько прошла по ковру и села на край кровати, вглядываясь в постаревшее и тревожное лицо отца. Её рука коснулась книги, когда мужчина поймал её раскрытую ладонь и поднёс к губам, подарив мягкий отеческий поцелуй.

– Фимочка, как хорошо, что ты рядом, девочка моя! – горячо прошептал он, и потемневшие губы привычно улыбнулись, от чего хмурые линии носогубных складок растянулись в причудливые ручейки.

– А как же по-другому, ты у меня один такой, родной, но болезненный, – с теплотой и грустью проговорила женщина, и её взгляд наполнился раздумьями.

– Тебя что-то тревожит, дочка? – Серафима освободила свою руку от ладони отца и внимательно посмотрела в его пытливые глаза, будто боясь услышать ложь.

– Ты зачем все мои вещи хранишь? Думаешь, от этого мне сейчас легче здесь находиться? Я вернулась к тебе, а не сюда, как же ты не поймёшь?

– А ты бы хотела, чтобы я их выкинул? Или повесил на дверь твоей комнаты амбарный замок? Я думаю, ты была бы оскорблена больше...

– Я была бы спокойна... – тихо сказала женщина, словно самой себе.

– Каждый отец будет ждать своего ребёнка! – не унимался мужчина. – Даже после смерти многие родители оставляют каждую пылинку на своем месте в их комнатах, ожидая, что их дитя войдёт и их сердце успокоится! А ты у меня живая, но такая гордая! Но я люблю и жду тебя от этого не меньше! – Григорий Петрович закашлялся и, поморщив лицо, напрягся всем телом, чтобы сесть повыше, показывая тем самым, что тема разговора для него серьёзна и болезненна. Женщина незамедлительно поправила подушку, и её взгляд стал снисходительнее, но оттенки удручающих раздумий не покинули их синевы. Она сердцем чувствовала, что настал тот самый момент, которого она со страхом ожидала вот уже пятнадцать лет. И все точки над *i* женщина хотела расставить собственноручно и навсегда.

– Я ожидала твоих слов в подобном русле... Всё ещё ждёшь, всё ещё любишь, всё ещё коришь... – она встала и подошла к окну, откинув тяжёлые шторы и вдохнув спёртый воздух,

пытаясь начать свою исповедь: – Я все эти годы, после смерти мамы, а потом и после смерти Кости, пытаюсь тебя простить, отец, в глубине души осознавая со временем, что никто вовсе и не виноват. Люди любят удариться в обвинения, лишь бы не утонуть в отчаянии и пустоте, любят жалеть себя... Я тоже человек! Но вправе ли я жалеть себя теперь? Когда приходится почти каждый Божий день сталкиваться с потерями и горестями других, страшнее своих собственных? Приходится жалеть их, помогать им справиться с болью, ведь они пришли ко мне, полные надежд, но с опустошённым сердцем... – Серафима отошла от окна и прошлась по комнате с опущенной головой, вдоль кровати отца. Она стояла напротив полки с сувенирами, книгами и статуэтками. Её взгляд заинтересовал маленький прелестный ангел из белого фарфора, стоящий на коленях и держащих в маленьких ручках рубиновое сердечко. Она осторожно взяла статуэтку в руки и всмотрелась в большие массивные крылья и смиренное девичье личико. – Приходится делиться с ними своим сердцем, своим милосердием... И порой не знаешь, что всё-таки колыхнется в груди: мышечный орган, разгоняющий кровь, или это всего лишь фантомные стуки в пустоте? И боль вдруг начинаешь чувствовать не так остро, будто растворяешься в каждом из этих людей... Они уходят, а ты остаёшься, вроде покинутая, а вроде успокоенная. Обмен горькими истинами творит свои чудеса.

– Но почему ты выбрала такой путь?.. – Недоумевающий мужчина засопел, став похожим на отходящий со станции паровоз, такой же грузный и пугающий.

– Храм Божий? – Глаза отца и дочери встретились, и между ними пронеслась искра обоюдного негодования. – Бог – это достойный и терпеливый покровитель, Он не навязывает своего участия, Он всегда протягивает нам руку, а наше дело либо принять её и идти рядом с Ним, либо отвергнуть и пойти в другую сторону. И не всегда на этой стороне нас ожидает счастье. Ты этого так и не понял, отец. Хотя мама говорила тебе...

– Твоя мать была фанатичкой, Фима! – недовольно прыснул мужчина, нахмутив кустистые брови, отчего теперь превратился в потревоженного филина. – Я любил её, но смириться с её религиозными замашками не мог! Для меня была лишь одна святая истина – это возможность каждой человеческой натуры главенствовать над этими мнимыми убеждениями! Правда и успокоение в могуществе духа и достатке...

– Не хлебом единым жив человек, – изрекла женщина, приняв вызов отца. – Мама была мудрой женщиной и просто-напросто смирилась с твоими атеистскими замашками, веря в тебя, как в любимого человека и отца своего ребёнка. Она каждый день молилась за тебя, когда ты ещё был помощником со средним достатком в малоизвестной фирме, она уважала тебя и не боялась ошибиться в каждом твоём действии, потому что быть спутницей, а не союзником – это правильная стезя каждой жены.

– Я не говорю, что твоя мать была плохой женой, я говорю, что она слишком увлеклась твоим воспитанием и слепо повиновалась каждому твоему выбору! – выпалил мужчина.

– Хочешь сказать, что она поступила неправильно, приняв в семью Костю? – Серафима чувствовала свою беспомощность перед пылким нравом отца даже сейчас, но старалась принять стойкую позицию перед ним.

– Давай не будем ворошить прошлое настолько глубоко! – Григорий нервно поморщился и отвернулся, силясь не взорваться в своих переживаниях окончательно, но Серафима уже требовательно опустила в его ногах на кровать, не отступая внимательным взглядом от его сердитого лица.

– А я разве не для этого начала эту беседу с тобой? Ты думал, что когда я вернусь, я не вспомню? Почему ты так реагируешь на мои слова? Я не тот взбалмошный ребёнок, которого ты знал, мы оба – взрослые люди, и нам обоим нужна правда. Какой бы горькой она ни была, я приму её, как пилюлю, выписанную доктором. – Женщина коснулась его коленей, успокаивающе сжав их в горячей руке. Она знала, что ему нельзя сильно волноваться, поэтому старалась держаться спокойно. Хотя душа её металась в стеснённой груди. Разговор начал приобретать

неприятные ноты и для неё самой, но она не могла отступить: последний аккорд должен быть за ней.

– Да потому что я люблю тебя... – слабеющим голосом протянул мужчина. – Я всегда старался дать тебе всё самое лучшее, самое достойное... Как я мог себе позволить отдать единственную дочь в руки человеку, не настолько опытному в жизни и не настолько обеспеченному хорошим будущим?

– Он любил меня не меньше тебя, он был опытен по жизни по-своему и добился бы большего, если бы ты... – женщина замолкла, осознавая, что их разговор зашёл в тупик. Она корила себя за то, что думала, что отец изменился за эти годы, стал мудрее и терпеливее. Он остался всё тем же искушённым и уверенным в своей исключительной правоте большим ребёнком. Она прикусила нижнюю губу, не давая волю чувствам, и потёрла вспотевший лоб. Только сейчас она поняла, как в комнате стало душно и тяжело дышать от этих разговоров и поисков правды. – Я открою окно, нужно проветрить комнату и принести тебе обед.

– Что, если бы не я, Фима? – серьёзным отцовским тоном спросил мужчина. – Я хочу услышать правду от собственной дочери, а не от отголосков совести. – Женщина приоткрыла окно и с жадностью вдохнула прохладный морозный воздух, сердце её сейчас было настолько тяжело, что она не удивилась бы, если бы оно разом рухнуло в пятки. Она обернулась на отца, и злость с помесью жалости и искушением правды загнали её измотавшуюся душу в угол. Женщина пристально всмотрелась в поблёскивающие от напряжения глаза Григория Петровича и мысленно прокричала: «Либо сейчас, либо никогда, моя дорогая!»

– Если бы ты не влез в нашу семейную жизнь со своей сердобольной помощью! Если бы не приказал ему! Если бы он не поехал вместо тебя в эту командировку! Нет, нет, отец, помолчи, я знаю, что ты сейчас скажешь! Сколько мне можно молчать, осознавая, что именно ты лишил меня самых дорогих людей в моей жизни?! Каково мне было, как думаешь, папа?! – Серафима осеклась, руки дрожали, грудь трепетала, будто бы изнутри просилась на волю большая птица, когтями и крыльями царапая рёбра, отчего женщина обхватила себя за плечи и обессилено рухнула в кресло. Глаза впились в пол, ища там успокоения. Она боялась взглянуть на отца, а ещё больше боялась признать, что всё это время вынашивала в себе не прощение, а скорбь и обиду. И сейчас они показали себя в явном превосходстве.

– Ты... ты меня так в гроб загонишь... – прохрипел мужчина и схватился за сердце, глаза зажмурились, в немом порыве он начал скатываться с кровати. Серафима словно очнулась. Она испуганно смотрела пару секунд на отца и, бросившись его хватать, начала звать Милу. Страх вытеснил все чувства, доселе завладевшие её хрупким телом, и женщина впилась в тело мужчины, быстро уложила его на кровать, и одним рывком открыла ящик у кровати тумбочки. Укол, массаж сердца, звонок врачу, широко распахнутые глаза Милы и сосредоточенные движения Серафимы, и... всё обошлось. Только беспокойно дремлющий мужчина и две женщины: одна в ногах, другая у изголовья, переглядывающиеся и успокаивающие друг друга, – напомнили о недавнем происшествии. Серафима тихо шептала молитву, держа подрагивающие руки отца, а Мила, громко вздыхая, следила за мирно бегущей стрелкой часов. В отчий дом ненадолго закрался покой.

Глава 2

Утро, когда Григорий Петрович пришёл в себя, выдалось пасмурным, мокрым снегом оплакав за ночь окна, выходящие на пробуждающуюся Москву. Серафима, боясь за отца, так и уснула вместе с ним, время от времени с трепетом просыпаясь и прислушиваясь к его прерывистому дыханию. В ту ночь, в отрывках снов, она видела свою маму, сидящую в спальне, в том самом кресле, в котором накануне сидела её дочь. Вера Николаевна была такой, какой её запомнила Серафима: молодая, статная, она с любовью смотрела на свою семью и что-то тихо напевала. Её тембр голоса, приближенный всегда к мелодичному сопрано, разливался по комнате, подобно солнечному свету, освещая каждый уголок души. Отец часто говорил маленькой Серафиме, сидящей на коленях у матери, хитро улыбаясь при этом: «Знаешь, сначала я увидел глаза твоей мамы и понял, что влюблён, а потом – услышал её голос, и тогда осознал, что люблю её». Девочка смотрела на мать, которая всегда звенела искристым смехом от этих слов, будто слышала их в первый раз. Проснувшись уже ранним утром, женщина сразу устремила свой взгляд в кресло, где образ её мамы ещё хранил еле видимые очертания ситцевого платья в пол. Григорий Петрович ещё спал, из приоткрытого рта доносился размеренный храп с присвистом, верный знак того, что, пробудившись, мужчина будет чувствовать себя хорошо. Серафима тихонько встала с постели и приютилась в кресле, поджав под себя замёрзшие ноги. Пальцы медленно прошлись по ворсистой ткани подлокотников, будто разглаживая мелкие неровности своей истосковавшейся по матери души. Посмотрев на спящего отца, женщина с грустью и одновременно с нежностью поняла, что забота о нём, его присутствие рядом – это всё, что у неё осталось. Ей стало стыдно и нестерпимо больно от вчерашних слов, сказанных в запале. Она быстро спустилась вниз, чтобы приготовить завтрак для него, обязательно добавив чашечку цикория вместо кофе, чтобы сделать его пробуждение более приятным. Мила по просьбе Серафимы ночевала в эту ночь на первом этаже, в комнатке для гостей. Уже спускаясь по лестнице, женщина ощутила запах сандаловых ароматических палочек и крепкого кофе, а значит, ранняя пташка уже хозяйничает на кухне. Вопреки своим догадкам девушки не оказалось за столом. Поставив чайник на тёмно-бордовый круг электрической плиты, женщина подошла к окну, ведущему на лоджию, и увидела маленькую спину Милы, укутанную в вязанный тёмный кардиган. Над рыжей головой струился прозрачный серый дымок.

– Доброе утро, Милочка! Не холодно Вам?

– Ой! Серафима Григорьевна! Доброе! – девушка встрепенулась.

– Ничего страшного, я не скажу отцу, Вы, главное, не дразните его сигаретами.

– Что Вы, он уже почти бросил! – тонкая рука в чёрной кожаной перчатке постучала по мундштуку, отчего сизое облачко пепла мягко опустилось в стеклянную пепельницу.

– Он всё время почти здоров, почти спокоен, почти счастлив. – Серафима улыбнулась, она не хотела начинать это утро с сентиментальных ноток.

– С ним всё хорошо? Не просыпался ночью?

– Спал как ребёнок. До сих пор страшно от того, что могло бы произойти... – Руки обняли плечи, и маленький подбородок спрятался в ключицах.

– Не можете себе представить, как было страшно мне... Но я не сомневалась в том, что он справится! Он всегда был сильным.

– Всегда? – Серафима подняла взгляд. – А Вы давно его знаете?

– Нет, нет, он рассказывал мне о своей молодости. – Мундштук в руках девушки затанцевал в такт порывистым жестам. – Да и тем более это видно по его взрывному нраву.

В ответ женщина тяжело вздохнула и вернула глаза к запотевшему окну.

– Не знаю... – выдержав паузу, отозвалась Серафима. – Бог даёт нам силы всегда. Жаль, что отец не всегда это хочет понимать за счёт своего строптивого характера.

– А можно Вас спросить, Серафима Григорьевна? Как там... в храме? Вам нравится? – женщина окинула девушку взглядом, каким обычно смотрят на несмышлёных и смешных в их естестве детей.

– Как мне может не нравиться жить в храме Господа Бога, милая? В нём каждому найдётся место. Начиная свой день с молитв, ты начинаешь новую страничку жизни, очищая свои мысли, и новый день не похож на предыдущий. Мирская жизнь лишена такого покоя и веры – в ней много испытаний для нас, но отказываясь от неё, я не отказываюсь от несения своего креста, я лишь сберегаю свою душу от козней судьбы. Наша матушка очень хорошая и справедливая наставница, все женщины в храме равны между собой и чувствуют поддержку друг от друга, что и очаровывает меня в такой жизни.

– Вы такая смелая... – отозвалась задумчиво девушка. – Я не смогла бы так, я бы не выдержала долго без родных и близких.

– Мила, не дай Бог Вам испытать то, от чего я решилась на такой шаг. А родные всегда должны тебя понять, на то они и родные! Да и нет у нас запрета видиться с ними!.. Как, кстати, Ваша мама? Давно я не слышала от неё вестей.

– Мама? – вдруг очнулась от раздумий собеседница. – Потихоньку на ноги встаёт, брат всегда с ней рядом...

– Вы сегодня дома не ночевали из-за нас с отцом, не хотите позвонить домой? А лучше знаете что, Вы поезжайте к матушке! Я сегодня сама справлюсь!

– Что Вы, Серафима Григорьевна?! Я не оставлю вас одних, вдруг что-то понадобится! Да и уехать я всегда пораньше могу! – залепетала Мила, укутываясь в кардиган, смущённо хлюпя покрасневшим носом.

– Пойдёмте на кухню, ещё одного больного в этом доме не хватало! – женщина обернулась к окну, за которым настырно кипел поставленный чайник, и осторожно толкнула стеклянную дверь, добавив: – И давай перейдём на «ты», Мила. Я ценю всё, что ты делаешь для нас с отцом. – В ответ девушка лишь кивнула, подарив приветливую улыбку, отчего её детские черты лица приобрели оттенок благодарности, но с отпечатком беспокойства в отведённых глазах. Серафима тогда восприняла это как признак человеческого участия – значит, Мила тоже откликается на беду в этом доме, но по-своему. «Это лишь от отсутствия должного опыта», – думала тогда женщина. На кухне они вместе приготовили лёгкий диетический завтрак, и обеспокоенная дочь с подносом в руках поднялась в спальню к отцу, смиренно ожидая, когда мужчина проснётся, чтобы сразу же извиниться перед ним за произошедшее накануне и справиться о его самочувствии. Серафима отлучилась лишь на несколько минут, чтобы взять пару крючков и бирюзовый клубок, что покоились долгие годы в комнате мамы, женщине захотелось закончить за неё вязаное панно, пейзаж которого они придумали сами: благородный пернатый лебедь со своим семейством на пруду, неподалёку от зеленеющего берега. Устроившись в кресле, поближе к окну, Серафима изучила кончиками пальцев уже готовый образ берега с высокой нежно-зелёной осокой – самый сложный по цветовой гамме и мастерству в изделии. Женщина инстинктивно закрыла глаза и увидела перед собой удивительную раскадровку своей прошлой жизни: вот мама, сидящая в гостиной, вот она – смешная девочка с любопытными и внимательными глазами, вот мамины руки с тонкими музыкальными пальцами, увлечённые в игривый вальс с блестящими палочками – крючками, её движения плавны и отточены, хотя взгляд очень серьёзен и задумчив, отчего девочке страшно нарушать сие таинство своими глупыми расспросами. И тут звучит голос мамы, вкрадчиво и нежно, словно звук утренней капли по весне: «Сядь поближе, мне нужна помощь твоих маленьких ручек, иначе никак! Возьми вот этот клубочек у моих ног и раскатай его немного... Вот та-ак... Теперь присаживайся на подлокотник. Нет, нет, только не загораживай нам свет... Правильно. А теперь смотри, как появляется пышный куст осоки, в котором спрятался ветер...» Завороженные девичьи глаза с упоением смотрели на маленькое волшебство: кончики пальцев проворно управлялись с изо-

гнутым крючком, который податливо набирал нить, отпуская её, уже уплотнённую, в причудливый узор. «Хочешь, научу?» – заискивающим голосом спрашивала Вера Николаевна и слышала в ответ неподдельную восторженность кивающей девочки. Сейчас, вот уже спустя долгие годы, Серафима с теплотой вспоминала это чудное время, сердце успокоенно билось в груди, несмотря на то, что это лишь воспоминания, которые не претворятся в жизнь. Увлекаясь своим рукоделием, она отметила в памяти ещё одну особенность матери: из-под её лёгкой руки всё выходило со вкусом и изяществом, будь то вязаное панно, игра на фортепиано, декор комнат, ужин для всей семьи или же воспитание единственной дочери. Совет и одобрение Веры Николаевны были жизненно необходимы для Серафимы, девочка росла и понимала, что природное благородство матери не передалось ей по наследству, так как характером и манерами она была в отца, но мировоззрение и принципы были накрепко привиты любимой матерью ещё в детстве, ведь мудрая женщина никогда не заставляла дочь, она лишь подталкивала её к нужному решению или поступку, в тайне радуясь своим ловким манёврам в воспитании. Серафима тянулась к ней, подобно цветку, который раскрывается под лучами солнца. Позднее девочке казалось, что она именно подснежник, со снежным папой и солнечной мамой. Раздумья Серафимы прервал громкий кашель отца.

– Сейчас, сейчас, папа, вот вода... выпей... – трясущиеся пухлые руки не сразу обхватили тяжёлый стакан. – Тебе уже лучше? Ничего не болит?

– А?.. – мужчина прижал руку к груди и осмотрелся, будто в полусне. – Фима, ты здесь, моя хорошая? – наконец судорожно выдохнул он.

– Да, я с тобой. – Она поцеловала его руку в подтверждение сказанного. – А ты со мной? Не оставишь меня больше?

– Куда уж я денусь, старый баловень?! Я с тобой ещё не побыл как следует!

– Вот и хорошо, будем тебя на ноги поднимать всем женским коллективом! – подхватила дочь весёлым настроением отца.

– Даа... – протянул мужчина и с непривычным оттенком беспомощности и беспокойства в глазах взглянул на Серафиму. – А Мила, как она там?.. Не трудно ли справляться с таким большим хозяйством?

– Знаешь, на удивление вовсе нет... Энергичная такая, живая, всегда то там, то здесь, только рыжим хвостиком на голове успевает вилять... Смешная, конечно, но хозяйка неплохая, – задумчиво произнесла женщина и заметила, как отец будто бы вздохнул с облегчением. – Переживаешь?

– Как не переживать за свой женский коллектив? – Веер глубоких морщин в уголках глаз мгновенно сомкнулся, потемневшие губы растянулись в тёплой улыбке.

– Папа... Прости меня, я не хотела расстраивать и доводить всё до такого... – еле слышно проговорила Серафима, роняя взор на пушистый ковёр.

– Как я могу обижаться, милая? Ты вернулась, посвящаешь сейчас всё своё время мне, я должен тебя благодарить... Оставь это всё, это пустое. – Руки отца обхватили ладонь дочери и примиряющее сжали.

– Я хочу, чтобы ты знал, что я раскаиваюсь в своих словах, и обещаю, что не буду отныне тратить наше время попусту. – Ресницы вспорхнули, оголив ясный и любящий взгляд.

– Будем считать, что на этом договорились, хорошо? – Женщина кивнула, и ответные улыбки закрепили семейный договор окончательно. Сердце Серафимы немного успокоилось на этом, но чувства недосказанности и вины всё ещё тлели на потушенном костре недавнего волнения и угрызений совести. Женщина ясно понимала, что покой – ещё не якорь, а примирение – ещё не полный штиль, и корабль, отплывший уже давно от причала, не сможет достичь обетованной земли, если совместно не укрепить его палубу и не задобрить море достойными жертвами. Разговор будет продолжен в любом случае, она готовила себя к нему вот уже пятнадцать лет, оставалось подготовить к нему отца, утихомирить свои чувства и унаследованный

пылкий нрав в груди. Дабы отвлечься от тяжёлых мыслей и найти приют ожиданиям, Серафима с упоением рассказывала Григорию Петровичу о своём сне, который осчастливила своим приходом мама, показывала панно, уже тронутое её рукой, и надрывно, почти плача, вновь и вновь просила прощения, вновь и вновь получая укоризненные взгляды отца, который простил её сердцем, ещё не приходя в сознание. Долгожданной ноты смирения в разговоре они достигли лишь тогда, когда Серафима позволила отцу вспомнить о её прошлом, в котором она была ещё подростком, но послушным, воспитанным и подающим надежды.

– Никогда не забуду твои глаза, когда ты впервые села на лошадь! – с горящим и смеющимся взглядом говорил мужчина. – Это просто было что-то! Такой восторженный и непоколебимый взгляд, будто бы ты не вылезала из седла с малых лет! Ха-ха... Сколько тебе было?.. Восемь, точно! Так вот, я Мише ещё говорю, мол, она у меня хоть и не боязливая, но может и забрыкаться в ответ – мало не покажется! Лошадь ей давай под стать, не рискуй! И дали тебе лошадь буланой масти, такая золотистая, с чёрной длиннющей гривой, красавица статная, ну по-другому не назовёшь! А жизни в ней сколько было, глаза добрые, но горят, будто сейчас смотрит жеребёнком, а потом как рванёт с места, только гривой мотнёт, и всё – ищи-свищи! Боялся, конечно, отпускать тебя, но ты меня успокаивала, что-то лепетала, а сама уже в седле... Прирождённая наездница и лошадей с детства полюбила... Моя заслуга! – мужчина гордо поджал губы и с нескрываемой надеждой спросил: – Вернулась бы сейчас? Хоть кружок один сделать?..

– Бог с тобой, папа, я же навсегда там останусь! Вот потом меня ищи-свищи! – Серафима зазвенела серебристым смехом, уколовшись слегка иголкой, которой расправляла недочёты на панно. На удивление самой себе, эти воспоминания приятным амбре окутали её естество, мягко и ненавязчиво рисуя образы и рождая ощущения, которые когда-то будоражили её юное сердце, и она не противилась им. – А если честно... скучаю очень по лошадям, по моей Люси, которая росла практически на моих глазах. Мы же воспитывали друг друга... Михаил Алексеевич много сделал для меня. Жаль, что я его разочаровала.

– Глупости! – тут же вступился отец, не теряя надежды вернуть дочь посредством его любимого, но брошенного ремесла юности. – Он спрашивал меня на протяжении этих лет о тебе, интересовался, когда ты вернёшься в конный спорт... Люси без тебя зачахла. Ты же знаешь, как они к человеческой заботе привязываются – эти парнокопытные.

– Давай не будем об этом. – Серафима начала ощущать, что амбре воспоминаний становится далеко не приятным, а скорее навязчивым, сердце снова начало сжиматься, она поняла, что отец начал давить на жалость, единственное, что у неё осталось к себе. – Я не хочу всё это обсуждать, пойми меня правильно. Мне от этого не легче.

Мужчина обречённо прикусил губы и отвернулся к окну, империя его планов и надежд начала потихоньку рушиться – это нельзя было не заметить по его переменявшемуся лицу, как по небу в плохую погоду, которая то подарит на мгновение ясное солнце, то зарядит дождями без предупреждения. Григорий Петрович нервно поставил чашечку с цикорием на поднос у кровати и со всей серьёзностью и мужской обидой взглянул на дочь.

– Ну вот что ты увидела в своём монастыре?! Что там тебе дали того, что не дал я? Как же всё это глупо...

– В храме, отец, – мягко и сдержанно проговорила Серафима, с трепетом чувствуя, что ситуация снова набирает обороты. – Я туда пошла не для того, чтобы смотреть, а для того, чтобы чувствовать... Чувствовать себя защищённой и понятой, понимаешь? И само собой, мне не дадут там того, что можешь дать ты – мой отец. Зачем ты себя расстраиваешь, скажи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.